

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б.Деловой

город Санкт-Петербург

27 июня 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителей гражданки И.Б.Деловой – адвокатов Д.Г.Бартенева и О.Е.Лаврентьевой, директора Санкт-Петербургского государственного бюджетного стационарного учреждения социального обслуживания «Психоневрологический интернат № 3» Н.Г.Зелинской, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф.Вяткина, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.Б.Деловой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в жалобе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г.А.Жилина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – Т.С.Федотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством; над ним устанавливается опека (пункт 1 статьи 29); от имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун (пункт 2 статьи 29); опекуны выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия (пункт 2 статьи 31); опека

устанавливается над малолетними, а также над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства; опекуны являются представителями подопечных в силу закона и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки (статья 32).

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривается в жалобе гражданки И.Б.Деловой, которая решением Петродворцового районного суда города Санкт-Петербурга от 11 ноября 2010 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 17 марта 2011 года, была признана недееспособной. Как указано в заключении назначенной судом для определения психического состояния И.Б.Деловой судебно-психиатрической экспертизы, наличие у нее психического расстройства в форме легкой умственной отсталости не позволяет ей понимать значение своих действий и руководить ими в сфере гражданско-правовых отношений, охраны своих жилищных прав, семейно-брачных отношений, в сфере решения вопросов, относящихся к получению медицинской помощи.

После вступления судебного решения в законную силу исполнение обязанностей опекуна И.Б.Деловой осуществляет Санкт-Петербургское государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания «Психоневрологический интернат № 3», где она проживает, которое в лице его директора Н.Г.Зелинской и адвоката О.Е.Лаврентьевой выступает в защиту прав и законных интересов подопечной в конституционном судопроизводстве, равно как и выбранный ранее ею самой адвокат Д.Г.Бартенев, полномочия которого на момент обращения в Конституционный Суд Российской Федерации были удостоверены ордером от 5 декабря 2011 года, выданным адвокатским бюро «Адвокатская группа ОНЕГИН», и впоследствии подтверждены доверенностью, выданной 26 апреля 2012 года указанным учреждением социального обслуживания.

1.2. По смыслу статей 46 (части 1 и 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьями 52, 53, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных прав законоположениями, на основании которых судом общей юрисдикции было вынесено решение о признании его недееспособным и тем самым, по сути, об ограничении права, гарантированного статьей 60 Конституции Российской Федерации. Иное означало бы невозможность проверить, были ли в результате применения соответствующих законоположений нарушены конституционные права гражданина, признанного недееспособным, что, в свою очередь, не соответствовало бы установленным статьями 19 (часть 1), 46, 55 (часть 3), 60, 118 (часть 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации гарантиям защиты конституционных прав и свобод посредством конституционного судопроизводства, осуществление которого является исключительной прерогативой Конституционного Суда Российской Федерации.

В силу приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 27 февраля 2009 года № 4-П, не имеется оснований для признания гражданки И.Б.Деловой ненадлежащим заявителем, а подписанной ею лично жалобы, которая от ее имени подана в Конституционный Суд Российской Федерации адвокатом Д.Г.Бартеневым, – не отвечающей критерию допустимости.

1.3. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобам граждан конституционность закона или отдельных его положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение

которого завершено в суде; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Как утверждается в жалобе гражданки И.Б.Деловой, ее право на неприкосновенность частной жизни и право частной собственности в нарушение статей 19, 23, 35 и 55 Конституции Российской Федерации несоразмерно ограничивается положениями пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации, поскольку они не предполагают возможность ограничения дееспособности гражданина, которое необходимо для защиты его прав в связи с имеющимся у него психическим расстройством, соразмерно степени нарушения способности понимать значение своих действий или руководить ими и тем самым лишают такого гражданина права самостоятельно совершать юридически значимые действия, в том числе распоряжаться пенсией для удовлетворения бытовых нужд.

Представленные в Конституционный Суд Российской Федерации материалы свидетельствуют о том, что суд, удовлетворяя заявление Санкт-Петербургского государственного бюджетного стационарного учреждения социального обслуживания «Психоневрологический интернат № 3» о признании И.Б.Деловой недееспособной, непосредственно руководствовался лишь положением пункта 1 статьи 29 ГК Российской Федерации, предусматривающим возможность признания гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Вместе с тем, учитывая, что пункт 1 статьи 29 ГК Российской Федерации в части,

содержащей правило об установлении над недееспособным гражданином опеки, а также находящиеся в системной связи с ним положения пункта 2 той же статьи, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации, закрепляющие полномочия опекунов как представителей подопечных в силу закона, определяют правовые последствия признания гражданина недееспособным и тем самым – гражданско-правовой статус лиц данной категории, к каковым относится и И.Б.Делова, ее жалоба может быть признана допустимой в отношении всех оспариваемых в ней законоположений.

Соответственно, именно эти взаимосвязанные положения, содержащиеся в пунктах 1 и 2 статьи 29, пункте 2 статьи 31 и статье 32 ГК Российской Федерации, и являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и – исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, – возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы на основе принципа равенства, гарантировать их согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 19, части 1 и 2), но вместе с тем допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека, их принадлежность каждому от рождения (статья 17, часть 2, Конституции Российской Федерации) предполагают, как указал Конституционный Суд

Российской Федерации, недопустимость какого бы то ни было их умаления, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (Постановление от 20 ноября 2007 года № 13-П, Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П). Применительно к достоинству личности как охраняемой государством ценности, праву на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также праву иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 35, часть 2, Конституции Российской Федерации) во взаимосвязи с вытекающим из статьи 60 Конституции Российской Федерации правом граждан Российской Федерации самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет это означает, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 27 февраля 2009 года № 4-П и Определении от 19 января 2011 года № 114-О-П, необходимость адекватных гарантий, которые обеспечивали бы лицам, страдающим психическими расстройствами, возможность осуществления указанных прав и свобод.

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, относящимся к основам правового статуса личности (статья 64), корреспондируют являющиеся в силу ее статьи 15 (часть 4) составной частью правовой системы Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека (статьи 1, 6, 7, 12 и 17) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статьи 16, 17 и 26) все люди, рождаясь свободными и равными в своем достоинстве и правах, где бы они ни находились, имеют право на признание своей правосубъектности, на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, от произвольного вмешательства в личную и

семейную жизнь, от произвольного посягательства на честь и репутацию и от произвольного лишения своего имущества.

Конвенция о правах инвалидов (принята 13 декабря 2006 года резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН), определяющая инвалидов как лиц с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (статья 1), налагает на государства-участники обязательства по принятию мер, связанных с реализацией правоспособности, которые предусматривали бы надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека и ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были бы свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока, регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией и обеспечивались указанными гарантиями соразмерно тому, в какой степени ими затрагиваются права и интересы данного лица (пункт 4 статьи 12).

Подписавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод государства – члены Совета Европы, включая Россию, приняли на себя обязательство обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I Конвенции, в том числе право каждого на уважение его частной и семейной жизни (статья 8), которое в практике Европейского Суда по правам человека рассматривается как охватывающее различные аспекты физической и социальной идентичности, включая право на личную автономию, личное развитие, право устанавливать и развивать отношения с другими людьми или внешним миром (постановление от 29 апреля 2002 года по делу «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства»).

Общий подход к осуществлению прав и свобод лицами, которые страдают психическими расстройствами, сформулированный в ряде международных актов, принятых органами Совета Европы – Парламентской Ассамблеей Совета Европы (рекомендация от 8 октября 1977 года 818 (1977) «О положении психически больных») и Комитетом Министров Совета Европы (рекомендации от 22 февраля 1983 года R (83) 2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», от 23 февраля 1999 года R (99) 4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых» и от 24 февраля 2004 года Res (2004) 10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством»), предполагает, что такие лица должны иметь возможность осуществлять все гражданские и политические права, а ограничения этих прав допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.

В рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 23 февраля 1999 года R (99) 4 сформулированы также общие и процедурные принципы правовой защиты недееспособных взрослых, которыми предлагается руководствоваться государствам – членам Совета Европы в соответствующем законодательном регулировании: принцип гибкости правового реагирования, предполагающий, помимо прочего, использование таких правовых инструментов, которые обеспечивали бы наиболее полный учет степени недееспособности лица в конкретной правовой ситуации для защиты его личных и имущественных интересов; принцип максимального сохранения дееспособности, означающий в том числе признание, насколько это возможно, существования различных степеней недееспособности и возможности изменения степени недееспособности лица с течением времени; принцип соразмерности меры защиты степени дееспособности лица, который основан на учете конкретных обстоятельств и нужд данного

лица и допускает вмешательство в его права и свободы в минимальной степени, необходимой для достижения цели такого вмешательства; меры защиты, согласно принципу соразмерности, не должны быть автоматически связаны с полным лишением гражданской дееспособности, а там, где это возможно, совершеннолетнее лицо должно иметь право заключать юридически действительные сделки повседневного характера; принцип пропорциональности, предполагающий применение меры защиты пропорционально степени дееспособности заинтересованного лица и соответствие меры защиты, ограничивающей гражданскую дееспособность, права и свободы заинтересованного лица в минимальной степени, индивидуальным обстоятельствам и потребностям заинтересованного лица.

Указанные международные акты носят рекомендательный характер, однако в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства, на необходимость соблюдения которых в отношении лиц, признанных недееспособными, указывали в своих решениях Европейский Суд по правам человека (постановление от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров против России») и Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 27 февраля 2009 года № 4-П).

Таким образом, возложенная на Российскую Федерацию конституционная обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и обеспечивать их адекватные гарантии, равно как и принятые ею на себя международные обязательства в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, требуют принятия комплекса мер, направленных на наиболее эффективную защиту прав и законных интересов таких лиц, которые позволяли бы учитывать в каждом конкретном случае их индивидуальные особенности.

3. Конкретизируя предписание статьи 60 Конституции Российской Федерации применительно к осуществлению гражданских прав,

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет дееспособность гражданина как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, которая возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста (пункт 1 статьи 21).

Исходя из обусловленной Конституцией Российской Федерации необходимости закрепления на законодательном уровне гибкого подхода к определению объема дееспособности граждан и предусматривая в числе основных начал гражданского законодательства возможность ограничения гражданских прав на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях, Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает объем дееспособности несовершеннолетнего в зависимости от достижения им определенного возраста, предусматривает возможность ограничения частичной дееспособности несовершеннолетнего и полной дееспособности совершеннолетнего гражданина, а также возможность признания гражданина недееспособным (абзац второй пункта 2 статьи 1, статьи 26 и 28, пункт 1 статьи 29 и статья 30).

В качестве основания для признания гражданина недееспособным пункт 1 статьи 29 ГК Российской Федерации называет наличие у него психического расстройства, вследствие которого такой гражданин не может понимать значения своих действий (интеллектуальный признак) или руководить ими (волевой признак), т.е. установление недееспособности возможно как при наличии обоих признаков психического расстройства, так и при наличии одного из них. Решение о признании гражданина недееспособным принимается судом по результатам рассмотрения соответствующего дела в порядке особого производства при обязательном исследовании и оценке в совокупности с другими доказательствами заключения судебно-психиатрической экспертизы, которой определяется

психическое состояние гражданина (пункт 4 части первой статьи 262, глава 31 ГПК Российской Федерации).

В свою очередь, решение суда о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства служит основанием для назначения ему органом опеки и попечительства опекуна (часть вторая статьи 285 ГПК Российской Федерации) либо, если такой гражданин помещен под надзор в соответствующую организацию, например оказывающую социальные услуги, – для возложения на данную организацию исполнения опекунских обязанностей (пункт 4 статьи 35 ГК Российской Федерации, часть 5 статьи 11 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»). Опека над гражданами, признанными судом недееспособными, устанавливается для защиты их прав и интересов, с тем чтобы опекуны – лица, являющиеся представителями подопечных в силу закона, имели возможность совершать от их имени и в их интересах все необходимые сделки и выступать в защиту их прав и законных интересов в любых отношениях, в том числе в судах (пункт 2 статьи 29, пункт 1 статьи 31 и пункт 2 статьи 32 ГК Российской Федерации, пункт 1 статьи 2 и часть 2 статьи 15 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»).

Таким образом, конституционно значимая цель, которую преследовал федеральный законодатель, предусматривая возможность признания недееспособными граждан, которые вследствие психического расстройства не могут понимать значения своих действий или руководить ими, и определяя правовые последствия соответствующего судебного решения, состоит в защите прав и законных интересов как самих указанных лиц, относящихся к одной из наиболее социально уязвимых категорий, так и любых третьих лиц, вступающих с ними в гражданско-правовые отношения, что позволяет рассматривать взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации в

системе действующего правового регулирования как не противоречащие в этом аспекте Конституции Российской Федерации.

4. В соответствии с неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позицией при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей и вместе с тем не посягают на само существо права и не приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П и др.).

Такой подход согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности со статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

4.1. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации от имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун; опекуны являются представителями подопечных в силу закона и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки (пункт 2 статьи 29, пункт 2 статьи 32); сделка, совершенная гражданином, признанным

недееспособным вследствие психического расстройства, ничтожна, и каждая из сторон такой сделки обязана возвратить другой все полученное в натуре, а при невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах (пункт 1 статьи 171).

Соответственно, гражданин, признанный недееспособным, не может самостоятельно распоряжаться своим имуществом, в том числе пенсией, даже для совершения мелких бытовых сделок и не отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом, как это предусмотрено статьей 24 ГК Российской Федерации в отношении дееспособных граждан, – вред, причиненный недееспособным, возмещают его опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, если они не докажут, что вред возник не по их вине; лишь в случае смерти опекуна либо отсутствия у него достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, суд с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда (пункты 1 и 3 статьи 1076 ГК Российской Федерации). Признание гражданина недееспособным распространяется и на процессуальную дееспособность: его права, свободы и законные интересы в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия защищают законные представители – опекуны (пункт 2 статьи 31 ГК Российской Федерации).

Состояние недееспособности влечет и другие правовые последствия, в частности препятствует вступлению в брак и является основанием для расторжения брака в упрощенном порядке, исключает возможность усыновления детей (статья 14, пункт 2 статьи 19, пункт 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации), а также возможность избирать, быть избранным и участвовать в референдуме (статья 32, часть 3, Конституции Российской Федерации; пункт 3 статьи 4 Федерального закона

от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Таким образом, признание гражданина недееспособным вследствие психического расстройства означает существенное изменение его правового статуса: с момента вынесения судебного решения он на формально не определенный период считается утратившим возможность совершать гражданско-правовые сделки, а также исполнять обязанности и нести ответственность за свои действия.

Между тем обусловленная тем или иным психическим нарушением неспособность при осуществлении определенных прав и обязанностей в полной мере понимать значение своих действий или руководить ими далеко не всегда означает, что гражданин не в состоянии принимать осознанные самостоятельные решения во всех сферах социальной жизни и совершать юридически значимые действия, в частности мелкие бытовые сделки за счет собственной пенсии (чего после признания ее недееспособной была лишена заявительница по настоящему делу – гражданка И.Б.Делова), направленные на удовлетворение собственных разумных потребностей и не нарушающие права и законные интересы других лиц.

4.2. Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» признает за лицами, страдающими психическими расстройствами, все права и свободы граждан, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, и не допускает в отношении таких лиц ограничений прав и свобод, связанных с психическим расстройством, на основании одного только психиатрического диагноза, факта нахождения под диспансерным наблюдением в психиатрическом стационаре либо в психоневрологическом учреждении для социального обеспечения или специального обучения (части первая и третья статьи 5).

В отношении граждан с ограниченными возможностями, в том числе обусловленными наличием у них психического расстройства, если не

имеется достаточных оснований для признания их недееспособными, влекущего установление опеки, в законодательстве Российской Федерации предусматриваются специальные правовые механизмы социальной адаптации. В частности, лица с нарушением психических функций в случае установления им инвалидности помимо прав, перечисленных в статье 5 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», наделяются правами, закрепленными федеральными законами от 2 августа 1995 года № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (глава II) и от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В соответствии со статьей 41 ГК Российской Федерации над совершеннолетним дееспособным гражданином, если он по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж с назначением ему органом опеки и попечительства помощника.

Нормативно-правовое регулирование в сфере отношений, связанных с деятельностью в области оказания психиатрической помощи, исходит из того, что наличие у гражданина психического расстройства может по-разному отражаться на его интеллектуальном и волевом уровне, определяя степень имеющихся нарушений, в частности способности к адекватному восприятию окружающей обстановки, осознанию себя и адекватному поведению. Такой подход, подразумевающий комплексную оценку различных показателей, характеризующих стойкие нарушения функций организма человека, в том числе нарушения психических функций, позволяет выделить четыре степени их выраженности: 1 степень – незначительные нарушения, 2 степень – умеренные нарушения, 3 степень – выраженные нарушения, 4 степень – значительно выраженные нарушения (приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 1013н).

Между тем в гражданско-правовом регулировании порядка и правовых последствий признания гражданина недееспособным предусматривается возможность принятия судом только одного из двух решений – либо признание гражданина, страдающего психическим расстройством, недееспособным в полном объеме, либо отказ в таком признании, что фактически ставит суды перед неразрешимой – без издержек для сферы охраны прав и свобод – дилеммой в тех случаях, когда даже при наличии психического расстройства лицо сохраняет способность принимать некоторые осознанные самостоятельные решения в определенных сферах социальной жизни, направленные на удовлетворение личных потребностей, отвечающие его интересам и не нарушающие при этом чьих-либо прав и законных интересов. В таких случаях и тот и другой вариант порождают существенные риски, не исключают злоупотреблений и «линейного», упрощенного подхода к принятию решения, что ведет к нарушению требования юридического равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Гражданин, в отношении которого принято решение об отказе в признании его недееспособным, но который в связи с наличием психического расстройства, тем не менее, фактически ограничен в способности понимать значение своих действий или руководить ими, остается *de jure* полноценным участником правоотношений, например в имущественной сфере, что может иметь негативные последствия как для него самого, так и для прав и законных интересов его добросовестных контрагентов. Стремление же предупредить подобные ситуации нередко подталкивает суды к признанию недееспособными граждан, чье психическое расстройство не достигает той степени тяжести, при которой они не способны отдавать отчет в своих действиях. Тем самым возможность самостоятельного осуществления гражданских прав для них полностью исключается.

Отсутствие у данной категории граждан такой возможности ставит их в худшее положение даже по сравнению с малолетними в возрасте от шести до четырнадцати лет, которые наделены правом самостоятельно совершать мелкие бытовые и иные сделки, указанные в пункте 2 статьи 28 ГК Российской Федерации. Ограничение прав этих лиц, несоразмерное степени нарушения их психических функций, включая право лично, помимо опекуна, обращаться в органы публичной власти за защитой своих интересов, делает их социально уязвимыми и в значительной степени зависимыми от других лиц, в том числе если они проживают в психоневрологических интернатах и, следовательно, находятся вне системы семейных (родственных) отношений.

Избранная федеральным законодателем в качестве меры защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, модель правового регулирования признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки, не предполагающая учета индивидуальных особенностей конкретной личности и ее потребности в защите, не может рассматриваться и как соответствующая современным стандартам прав человека. Европейский Суд по правам человека обращал внимание Российской Федерации на то, что в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, российское законодательство различает дееспособность и недееспособность без учета «пограничных» ситуаций и в отличие от общеевропейских стандартов в данной области не предусматривает «дифференцированных последствий», что приводит к нарушению статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров против России»). Комитет по правам человека после рассмотрения на заседании 28 октября 2009 года доклада России о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах также выразил озабоченность в связи со значительным числом в Российской Федерации лиц, признанных недееспособными, рекомендовал пересмотреть соответствующую практику

и ввести в нее меры, которые отвечали бы требованиям необходимости и пропорциональности и учитывали бы индивидуальные особенности (CCPR/C/RUS/CO/6).

4.3. Таким образом, взаимосвязанные положения пункта 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1), 35 (часть 2) и 55 (часть 3), постольку, поскольку в действующей системе правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими в тех или иных сферах социальной жизни, и тем самым допускается умаление и несоразмерное конституционно значимым целям ограничение прав и свобод граждан, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства.

5. Признание гражданина недееспособным – исходя из верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации, приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (статья 15, части 1 и 4, Конституции Российской Федерации) – должно иметь место лишь в тех случаях, когда иные меры защиты его прав и законных интересов оказываются недостаточными.

Определение конкретных способов защиты прав лиц, страдающих психическими расстройствами, в том числе в части оказания им необходимой поддержки в реализации гражданских прав и обязанностей, относится к дискреции федерального законодателя, который, осуществляя на основании статей 2, 17, 18 и 71 (пункт «в») Конституции Российской Федерации правовое регулирование в данной сфере, будучи связанным требованиями Конституции Российской Федерации и международными обязательствами

Российской Федерации, обязан выработать оптимальный механизм, предполагающий необходимость учета степени нарушения их способности понимать значение своих действий или руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности и вместе с тем не допускающий умаления достоинства их личности и несоразмерного вторжения в частную жизнь.

Принимая во внимание специфику данного правового института, не позволяющую распространить на регулируемые им отношения действующее законодательство в части, предусматривающей ограничения гражданской дееспособности, используя в том числе аналогию закона или права, и исходя из того, что сама по себе возможность признания гражданина недееспособным вследствие психического расстройства не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку направлена прежде всего на защиту его собственных прав и законных интересов, Конституционный Суд Российской Федерации – в целях обеспечения баланса конституционно значимых интересов и недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации) – считает возможным, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – в срок до 1 января 2013 года внести изменения в действующий механизм защиты прав граждан, страдающих психическими расстройствами, в том числе в части оказания им необходимой поддержки в реализации гражданских прав и обязанностей, которые позволяли бы суду учитывать степень нарушения способности таких граждан понимать значение своих действий или руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности и в максимальной степени гарантировали бы защиту их прав и законных интересов. Впредь до вступления в силу нового правового регулирования

взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации подлежат применению в ныне действующей редакции. Соответственно, судебные постановления, вынесенные в отношении заявительницы по настоящему делу гражданки И.Б.Деловой, – учитывая, что ее правовой статус как лица, признанного недееспособным, является формально не ограниченным по времени, – должны быть пересмотрены именно на основе установленных федеральным законодателем критериев, с тем чтобы определить соразмерность обусловленных этим статусом ограничений степени имеющегося у нее нарушения способности понимать значение своих действий или руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации соответствующими Конституции Российской Федерации постольку, поскольку они направлены на защиту прав и законных интересов граждан, которые вследствие психического расстройства не могут понимать значения своих действий или руководить ими, а также на обеспечение прав и свобод других лиц и охрану иных конституционно значимых ценностей.

2. Признать взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1), 35 (часть 2) и 55 (часть 3), постольку, поскольку в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых

последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими.

3. Федеральному законодателю надлежит – в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – в срок до 1 января 2013 года внести необходимые изменения в действующее гражданско-правовое регулирование в целях наиболее полной защиты прав и интересов граждан, страдающих психическими расстройствами.

Впредь до вступления в силу нового правового регулирования взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации подлежат применению в ныне действующей редакции.

Судебные постановления, вынесенные в отношении гражданки Деловой Ирины Борисовны, должны быть пересмотрены на основе нового правового регулирования.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А.Жилина

В соответствии со статьей 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» заявляю о частичном несогласии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 года № 15-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б.Деловой по следующим основаниям.

1. Данное дело рассмотрено Конституционным Судом Российской Федерации не в порядке абстрактного запроса, а по жалобе гражданки И.Б.Деловой на нарушение ее конституционных прав применением судом оспоренных законоположений (статья 125, часть 4, Конституции Российской Федерации, глава XII Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом в жалобе не только не оспаривается предусмотренный этими законоположениями институт как таковой, но прямо указывается на наличие конституционно оправданной цели в закрепленной законом возможности ограничения прав гражданина, не способного вследствие психического расстройства понимать значение своих действий или руководить ими, посредством признания его недееспособным и установления над ним опеки. Соответственно, в ней ставится вопрос о признании оспоренных законоположений неконституционными лишь в той части, в какой они не предусматривают дифференциации последствий имеющегося у гражданина нарушения психических функций, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими. Именно это, по мнению И.Б.Деловой, с учетом характера имеющегося у нее психического расстройства и привело к нарушению прав, в частности права распоряжаться своей пенсией для совершения мелких бытовых сделок.

При таких обстоятельствах содержащийся в пункте 1 резолютивной части настоящего Постановления вывод о конституционности оспоренных законоположений постольку, поскольку они направлены на защиту прав и интересов граждан, которые вследствие психического расстройства не могут понимать значения своих действий или руководить ими, а также на обеспечение прав и свобод других лиц и охрану иных конституционно значимых ценностей, сам по себе совершенно очевидный и бесспорный, представляется неоправданно позиционированным на роль самостоятельного итогового результата рассмотрения дела. В контексте рассматриваемого дела и с учетом конечного вывода о признании по жалобе И.Б.Деловой оспоренных законоположений не соответствующими Конституции Российской Федерации он имеет значение лишь для общей характеристики в мотивировочной части соответствующего правового института, играя в системе аргументов роль логического обоснования формулировки Конституционным Судом Российской Федерации пункта 2 резолютивной части Постановления.

Данная формулировка содержит не только итоговый вывод о неконституционности проверенных Конституционным Судом Российской Федерации законоположений, но и в скрытом виде вывод об их конституционности в определенном аспекте, поскольку они признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации лишь постольку, поскольку в действующей системе правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими. Соответственно, они конституционны в том аспекте, в каком для обеспечения названных в пункте 1 резолютивной части Постановления конституционно значимых ценностей устанавливают возможность признания недееспособным такого гражданина, степень

нарушения психических функций которого такова, что исключает указанную дифференциацию в связи с утратой способности отдавать отчет своим действиям или руководить ими. Иное понимание пункта 2 резолютивной части Постановления вступает в логическое противоречие с его содержанием, взаимосвязанным с основными положениями мотивировочной части, и не согласуется с самой сущностью правовой системы Российской Федерации, в которой Конституция Российской Федерации, признающая и гарантирующая права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, имеет высшую юридическую силу и прямое действие (статьи 2, 15 и 17).

2. Помещение промежуточного по своей сути и второстепенного в данной правовой ситуации вывода о конституционном аспекте оспоренных законоположений в резолютивную часть не вызвало бы особых возражений, если бы этому обстоятельству в пункте 5 мотивировочной части Постановления и в пункте 3 его резолютивной части не было придано определяющее значение при установлении порядка исполнения принятого Конституционным Судом Российской Федерации решения. Причем, вопреки логике остальной мотивировочной части и содержанию пункта 2 резолютивной части, предполагающих признание недееспособным лишь такого гражданина, степень нарушения психических функций которого исключает возможность дифференциации в связи с утратой способности отдавать отчет своим действиям или руководить ими, Конституционный Суд Российской Федерации с опорой на вывод ее пункта 1 о конституционности оспоренных законоположений избрал такой способ исполнения, который пролонгирует действие оспоренных норм в их правонарушающем аспекте.

Так, установив федеральному законодателю срок до 1 января 2013 года для внесения изменений в действующий механизм защиты прав граждан, страдающих психическими расстройствами, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что впредь до вступления в силу нового правового регулирования оспоренные законоположения (несмотря на их

признание неконституционными и нарушающими права и свободы граждан) подлежат применению в ныне действующей редакции. Во взаимосвязи с положением, согласно которому судебные постановления по делу И.Б.Деловой (по обстоятельствам дела явно не относящейся к лицам, имеющим такую степень психического расстройства, которая не требует дифференциации его гражданско-правовых последствий) подлежат пересмотру именно на основе нового правового регулирования, это означает, что до внесения изменений в законодательство взаимосвязанные нормы пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК Российской Федерации подлежат применению так, как они были применены в ее деле.

Безотносительно к обстоятельствам дела И.Б.Деловой следует заметить, что правонарушающие последствия подобного исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации значительно усиливаются распространенной практикой несвоевременного внесения необходимых изменений в законодательное регулирование, в том числе и в случаях предоставления законодателю дополнительного времени по сравнению с установленным законом сроком, как это предусмотрено и настоящим Постановлением. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по состоянию на 8 июня 2012 года из 121 решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятых с 1992 года, законодателем реализовано лишь 70 решений, а 51 решение по-прежнему требует принятия законодательных актов.

3. Между тем установленный порядок пересмотра дел в таких случаях, как и применение в правоприменительной практике по другим аналогичным делам правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не предполагают ожидания правоприменителем принятия нового регулирования взамен норм, дисквалифицированных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации: оно вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами; при возникновении в результате

разрешения дела пробела в правовом регулировании до принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция Российской Федерации; правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении, подлежит учету правоприменительными органами с момента его вступления в силу (статья 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В случае признания по итогам рассмотрения жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан закона либо отдельных его положений не соответствующими Конституции Российской Федерации дело заявителя подлежит пересмотру в обычном порядке (часть вторая статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Пробелы в праве возникают не только в случаях признания Конституционным Судом Российской Федерации нормативных актов противоречащими Конституции Российской Федерации. Их наличие для судебной практики не редкость, при этом отсутствие закона, регулирующего конкретные общественные отношения, не освобождает суды от вынесения решений о защите нарушенных прав соответствующих субъектов судопроизводства. Разрешение дела в таких случаях требует не ожидания восполнения пробела в правовом регулировании законодателем, а лишь дополнительных действий суда по применению права на основе аналогии закона, субсидиарного применения норм или аналогии права.

Восполнение пробелов в законодательном регулировании общественных отношений, как и правоприменение в целом требуют от судов учета нормативного единства российского права, в системе которого Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие. В таком значении следует понимать и положение части четвертой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» о том, что при возникновении в случае признания нормативного акта неконституционным

пробела в правовом регулировании до принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция Российской Федерации. При этом, являясь частным случаем правоприменения как такового, оно должно применяться судами в совокупности с общими правилами восполнения пробелов в праве.

В данном частном случае непосредственное применение конституционных норм облегчается тем, что их толкование касательно соответствующей спорной ситуации уже дано Конституционным Судом Российской Федерации в своем решении. Однако и в отсутствие такого решения суды обязаны разрешать дела в соответствии с требованиями права, непосредственно применяя при необходимости для защиты конкретного права конституционные нормы (статья 15, часть 1, Конституции Российской Федерации, часть 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»). Основополагающим для судов при преодолении коллизий в нормативном регулировании и восполнении пробелов в праве должна быть защита прав и свобод человека и гражданина, которые как высшая ценность действуют непосредственно, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность всех ветвей публичной власти и обеспечиваются правосудием (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации).

В связи же с обстоятельствами дела И.Б.Деловой, которая согласно решению суда вследствие наличия у нее психического расстройства не может отдавать отчет своим действиям и руководить ими лишь в определенных сферах социальной жизни, вряд ли вообще имеется необходимость преодолевать какой-либо пробел в правовом регулировании, если применить оспоренные нормы в соответствии с подлинным смыслом пункта 2 резолютивной части Постановления. Как верно указал Конституционный Суд Российской Федерации в абзаце первом пункта 5 его мотивировочной части, признание гражданина недееспособным – исходя из верховенства Конституции Российской Федерации, приоритета общепризнанных

принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации – должно иметь место в тех случаях, когда иные меры защиты его прав и законных интересов оказываются недостаточными.

4. Положение части второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» о пересмотре дела в обычном порядке применительно к делу И.Б.Деловой означает, что принятые по нему постановления судов общей юрисдикции подлежат пересмотру в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. В течение трех месяцев со дня вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 года № 15-П (до 27 сентября 2012 года) она вправе обратиться с заявлением о пересмотре состоявшихся решений о признании ее недееспособной, а суды обязаны отменить свои решения и снова рассмотреть ее дело по правилам, установленным процессуальным законодательством (статьи 392–397 ГПК Российской Федерации).

Гражданские дела о признании гражданина недееспособным рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации для дел особого производства, при этом дело должно быть рассмотрено и разрешено до истечения двух месяцев со дня поступления искового заявления в суд (часть первая статьи 154 ГПК Российской Федерации). Возможность продления или приостановления течения данного срока для ожидания нового правового регулирования процессуальное законодательство не предусматривает. Иное недопустимо, поскольку противоречило бы обычным правилам преодоления пробелов в праве и вопреки предназначению правосудия легализовало бы отказ суда от защиты нарушенного права по мотиву отсутствия конкретной нормы, регулирующей соответствующие отношения.

Разбирательство гражданских дел в судах должно осуществляться в сроки, предусмотренные федеральным законом, их продление допустимо лишь в случаях и порядке, которые установлены Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, но в любом случае судопроизводство должно осуществляться в разумный срок, при определении которого учитывается период со дня поступления заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу; обстоятельства, связанные с организацией работы суда, а также рассмотрение дела различными инстанциями не могут приниматься в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу (статья 6¹ ГПК Российской Федерации). Приведенные процессуальные нормы конкретизируют положения пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод – являющейся согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью российской правовой системы – о праве каждого при определении его гражданских прав на справедливое разбирательство дела судом в разумный срок. Возложение на суд обязанности ожидания нового правового регулирования для пересмотра дела И.Б.Деловой не согласуется с этими положениями.